

вздымания <...> груди» умирающего Ушакова,²¹ — он писал не просто письмо другу, а повесть, «пропитанную мыслями о политике, о воспитании, о современной культуре, повесть психологическую и правоописательную»,²² и писал не для одного Кутузова.

Перегородки, как будто сознательно воздвигаемые писателем между собой, другом — и всяким иным, чрезвычайно зыбки. За этим барьером — не равнодушие и действительная отгороженность, а сомнение, боязнь оказаться непонятым, отражающие мучительный путь, которым пробивался Радищев к читателю. Отношения писателя и читателя в «Житии Ф. В. Ушакова» исполнены подлинного драматизма, и потому так не случайны постоянные колебания Радищева в оценках «его» — этого постороннего, способного вмешаться в диалог с другом, в самой манере обращения к «нему», названия «его». Первое упоминание о читателе в «Житии» неожиданно и полемически заострено: «Если иные в повествовании сем найдут что либо пристрастное, не буду тронут тем, ведая что они ошибаются; но ты, мой друг, будучи содействователь всего, обрящешь в нем истинну» (I, 166). Чужой (примечательна категория множественности, усиливающая степень отчужденности) — «иные» — читатель воспринимается как своеобразная оппозиция все понимающему другу. Но уже следующая реплика сглаживает наметившиеся разногласия, звучит как свидетельство признания (пусть еще негласного, неоткрытого) права читателя на участие в диалоге двух лейпцигских друзей: «Первое, чем Бокум по приезде в Лейпциг начал правление свое, было сокращение издержек относительно нас, елико то возможно было. Но не воображай, чтобы домостроительство было тому причиною; что он отчислял от нашего содержания, то удвоая во своем» (I, 167). Тенденция к некоему сближению ощущается в самой форме обращения: «не воображай» — еще обобщенной и потому безликой, но уже не отчужденно враждебной. Наконец незримый собеседник назван: «Приятнее может быть будет читателю, приятнее тебе, мой любезной друг» (I, 171). Читатель и друг не просто объединены, уравниены в своих правах на исповедь автора, читателю как будто отдано явное предпочтение. Но установившееся взаимопонимание неустойчиво, за ним следует эмоциональный взрыв — результат предчувствия новых разногласий: «Если бы государство изгнанием добровольным десяти граждан ничего казалось не потеряло, но отечество потеряло бы конечно искренно любящих его сынов. Буде кто захочет на сие доказательства, то не дам никакого; но тебе только, мой

²¹ «О мой друг! в минуты благоденствия, когда разум ни чем не упрекает сердцу, мысль сия тягчит меня, и я мал становлюся перед собою» (I, 185).

²² *Гуковский Г. А.* Радищев как писатель. — В кн.: *А. Н. Радищев. Материалы и исследования.* М.—Л., 1936, с. 168.